

П.С. Гуревич

ПРОРОЕМ ДЕРЗОСТНЫЕ СВОДЫ!

Аннотация. В статье речь идёт о нравственных исканиях русской философии, обсуждаемых в рамках двух монографий: Н. Бонецкой «Дух Серебряного века. (Феноменология эпохи)» (М.; СПб., 2015) и Р. Гальцевой «Эпоха неравновесия. Общественные и культурные события последних десятилетий» (М.; СПб., 2016). Многие проблемы, которые волнуют русское общество, сохраняют свою востребованность на протяжении нескольких столетий. Особое внимание в рецензируемой книге уделяется Духу Серебряного века. По мнению автора исследования, этот век отразил, осознал и вербализировал новый опыт новой души. В статье представлено много имён, словесных жанров, тем. Отмечено весьма значительное влияние Ф. Ницше на русскую философию. Причём речь идёт о влиянии не только идей, но и самой личности Ницше. Многие темы Серебряного века до сих пор обсуждаются в российском общественном сознании: взаимная корреляция европейской и русской философии, идея религиозного обновления, идеологического диктата и диагностики социальных процессов. В материале применяется принцип историзма, позволяющий проводить сравнение разных эпох. Особое внимание уделяется русской герменевтике. Анализ исследований Н.К. Бонецкой и Р.А. Гальцевой позволяет выявить многочисленные архетипы и сюжеты, определяющие судьбу России. Впервые в отечественной литературе обсуждается интеллектуальный облик Серебряного века, выявляются некие смысловые линии, присущие философским трудам этого века, обсуждаются вопросы ментальности, описываются портреты философов, мыслителей и людей искусства. В материале Р.А. Гальцевой современная эпоха характеризуется как неравно-весная. Речь идёт о выявлении противоречий социального и культурного развития России. Представлены разные точки идейных размежеваний и теоретических противостояний. Дается оценка религиозному обновле-нию христианства, тоталитарным идеологиям, современному консерватизму и гуманизму.

Ключевые слова: Серебряный век, феноменология, герменевтика, гуманизм, религиозное обновление, идеология, искусство, философия, Ницше, Соловьёв.

Abstract. This article reviews the moral search of the Russian philosophy discussed within the framework of the two monographs: N. Bonetskaya "Spirit of the Silver Age. (Phenomenology of the era)" (M., St.Pb., 2015) and R. Galtseva "Era of Imbalance. Social and Cultural Events of the Last Decades" (M., St.Pb., 2016). Many problems that the Russian society is concerned about, remain to be in demand throughout several centuries. Special attention is given to the peer reviewed book "Spirit of the Silver Age". In the author's opinion, this century reflected, realized, and verbalized the new experience of the new soul. The article presents multiple names, verbal genres, and topics. It is noted that F. Nietzsche produced a significant effect upon the Russian philosophy. Many themes of the Silver Age are still being discussed in the Russian public consciousness: mutual correlation of the European and Russian philosophy, idea of the religious renovation, ideological dictatorship, and diagnostics of the social processes. Particular attention is paid to the Russian hermeneutics. The analysis of the works of N. K. Bonetskaya and R. A. Galtseva allow revealing multiple archetypes and plots that define the fate of Russia. For the first time, in the Russian literature this article discusses the intellectual image of the Silver Age, determines certain conceptual lines characteristic to the philosophical works of this century, considers the questions of mentality, as well as describes the portraits of the philosophers, thinkers, and other people in the world of art. In the material of R. A. Galtseva, the modern era is characterized as imbalanced, which lies in detection of the controversies between social and cultural development of Russia. The author presents various opinions of the ideological differentiations and theoretical confrontation, as well as gives characteristics to the religious renovation of Christianity, totalitarian ideologies, and modern conservatism and humanism.

Key words: Hermeneutics, Humanism, Religious renovation, Ideology, Art, Philosophy, Nietzsche, Solovyev, Phenomenology, Silver Age.

ВЫСОКИЙ ВЕК ИДЁТ ВЫСОКИМ ТРАКТОМ...

Рецензия на книгу:

Бонецкая Наталья. Дух Серебряного века. (Феноменология эпохи). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 720 с.

Н.К. Бонецкая – автор двух монографий и многочисленных статей по проблемам русской мысли, истории русской философии конца XIX – первых десятилетий XX вв. В аннотации отмечено, что данная книга представляет собой историко-философское

исследование Серебряного века. Автор выделяет наиболее значимые тенденции философского развития данной эпохи, изучает влияние творческой личности Ф. Ницше на воззрения отечественных мыслителей: Л. Шестова, Д. Мережковского, Н. Бердяева, Вяч. Иванова, М. Волошина, П. Флоренского. В книге отмечается, что философствование в России сочеталось с оригинальной интерпретацией как художественных, так и сакральных текстов.

В книге показано, что после окончания «золотого» века высокая словесность в России лишилась нравственного пафоса. Но означает ли это, что в ней исчезла и гуманистическая окрашенность? В ней обозначилось религиозное измерение. А это органично связано в русской культуре с метафизической глубиной. Н.К. Бонецкая считает, что Серебряный век – отразил, осознал и вербализировал новый опыт новой души. Неповторимость этого века сопряжена и с исторической отгороженностью в том смысле, что данный век типологически также самобытен, как эпоха Возрождения или Реформации в европейской культуре.

Это время можно назвать многоцветьем культуры. За разноликостью жанров, стилей и подходов, специфичных для Серебряного века, скрывается множество имён и мировоззренческих топосов. Но, по убеждению автора, за этим разнообразием обнаруживается некая доминанта, отражающая державную линию, единство мироощущения. Автор анализирует это через выражение феноменов, симптомов, символов нового мировоззрения. Множество духовных поветрий, внёсших вклад в общий арсенал эпохи. На своеобразии эпохи сказались духовное влияние Ф. Ницше и В. Соловьёва.

Ницше представлен в первом разделе книги как выдающаяся фигура в философии, но также и как нравственный человек. Русская герменевтика предопределяет Ницше как христианского богослова-эзотерика. Так случится, что «антихристианин» окажет мощное воздействие на духовное взросление Шестова. Ницше, творивший в эпоху апофеоза теории эволюции, часто обращается к сопоставлению зверя и человека. Автор монографии обращает внимание на парадоксальное возвеличение зла в русской посленицшевской философии. Ницше становится своеобразной иконой для отечественных мыслителей. Однако каждый из них усматривал в его творчестве собственное мыслительное поле.

Размышляя над этой тенденцией, Н.К. Бонецкая подчёркивает, что вхождение в мир Ницше в русской философии проходило в культуре символизма. Следуя за В.С. Соловьёвым, Флоренский обдумывает идею оправдания человека. Ценность

позиции Ницше правомерно усматривается в том, что его философско-антропологические устремления представляют не что иное, как своего рода проект. Интересно практическое толкование положений Ницше о промежуточном состоянии человека, который может действительно продвигаться от животного к сверхчеловеку. У Флоренского потомок Адама трактуется двояко: и как создатель орудий и как литургический человек. Его конкретная метафизика превращается в культ человека-мага.

Изэкспертиз Н.К. Бонецкой очевидно, что творчество Ницше было принято в России с предельным воодушевлением и серьёзностью. Вхождение Ницше в мир символистского мышления реализуют в своем творчестве два русских философа – Вяч. Иванов и М. Волошин.

Привычное соединение в эстетике Ницше аполлонического и дионисийского начала корректируется следующим образом: эти начала не равноценны в своей значимости для русской философии. Объективной реальностью в метафизике Ницше обладает как раз бездна Диониса. Неязыческие упования философа сводятся не столько к толкованию Диониса как некоего божества, он воплощает принцип «вечного возвращения».

Что касается другого русского философа – Вяч. Иванова, то он испытывает сильное томление по радикальному преобразению религиозного сознания. Он усматривает в Дионисе символическое основание для перековки христианского учения. Вяч. Иванов достаточно технично представляет этот процесс. Вслед за В.С. Соловьёвым он выступает поборником теургии – своеобразного богодействия. Предлагается в этом смысле освоить опыт древности. Теперь после экспертизы Н.К. Бонецкой есть все основания считать ивановскую «Башню» неоязыческой общиной. Да и сам Дионис трактуется им как прорыв к целительной архаике.

Волошин, увлечённый идеями антропософии, обращается к сновидческой реальности. Аполлон толкуется как «налагатель откровений». Творческое сновидение оказывается базовым понятием эстетики Волошина. Анализируется тезис о том, что сновидческие образы скорее всего имеют объективную природу. Символика же является ключом к разгадке сновидения. В этом же разделе анализируется мистика времени. Волошин не стремится к тому, чтобы представить «вечность» в её реалистическом варианте, имеющем конкретные подробности. Он лишь предлагает всмотреться в неё, разгадать её средствами символики.

Н.К. Бонецкая пишет: «Прояснение связи религиозно-философской мысли Серебряного века

с феноменом Ницше даёт исследователю важный ключ к тайне данной эпохи» [1, с. 90]. Здесь автор обнаруживает особый интерес к истокам философской антропологии Серебряного века. Сверхчеловек в ницшевской трактовке – это своего рода замена Бога. Софиологическая переориентация В.С. Соловьёва позволяет толковать человека в духе ницшевского сверхчеловека. Но контрверзой Ницше оказывается идея андрогина в сочинениях В.С. Соловьёва. Для Н.А. Бердяева столь же важен эзотерический принцип, которому отдал дань В.С. Соловьёв. Касаясь темы мистики, Николай Александрович обнаруживает в эзотерике Бёме нерасторжимую близость «антропологии» и «христологии». Отправляясь от этих основ, Бердяев предложил тезис о богоподобном творчестве человека.

«Переоценка всех ценностей» – ницшевский девиз, получивший признание и поддержку у Шестова. В 20-х гг. минувшего века он своей «философией смерти» вводит в экзистенциализм трагически-трепетную тему. Но как понимает русский философ «преодоление смерти»? Он проводит мистический тезис о том, что смерти нет. Стало быть, трансформация и преображение смерти должны трактоваться как победа над смертью. Шестов превратил Авраама в средоточие своей экзистенциальной «философии веры». Он толкует Бога как носителя абсолютного произвола, которому противостоит хрупкое, смертное создание – человек. Особенность экзистенциальной философии Шестова в оправдании дерзновения. Он, как и другие русские мыслители, не прошёл мимо проблемы личности. Но она также превращается в апологию сверхчеловека.

Шестов усматривал глубинную связь между работой Н.А. Бердяева «Смысл творчества» и Ф. Ницше «Антихрист». Несмотря на то, что произведение русского философа было задумано как самобытное и программное сочинение, Шестов обнаруживает зависимость Бердяева от Ницше во всех пластах содержания. Произведение Бердяева есть не что иное, как ницшеанский проект. Шестов усмотрел эту связь через призму экзистенциализма. Эта встреча произошла в глубинах духовного опыта. Бердяев видит возможность преодоления современного кризиса в появлении творческого человека. Этот философ размышляет об оправдании человека, столь привычной для русской философии. Однако зависимость от воззрений Ницше и в данном случае очевидна. Особенно это относится к гносеологическим представлениям. Даже преодоление пропасти между субъектом и объектом, трактуемая как воля к истине, на самом деле является аналогом «воли к власти».

Антропологическая тема у Флоренского действительно, как подчёркивает Н.К. Бонецкая, не только темна сама по себе, но и мало исследована. Она полагает, что при размышлении о концепции человека в творчестве Флоренского уместно вспомнить кантовское противопоставление «порядка природы» и «порядка свободы». Мнение автора монографии выражено с необходимой доказательностью. «Человек представлен Флоренским исключительно в “порядке природы” – порядке необходимости, господствующей в мире явлений, – таков мой самый общий тезис касательно антропологии Флоренского. Субъектная же свобода рассматривается мыслителем как некий недолжный привесок к человеческой природе и не конципируется им» [1, с. 185]. Этим Флоренский отличается от Бердяева, которого в первую очередь интересовал «порядок свободы».

«Философия тела», которой Флоренский занимался на протяжении всей жизни, вообще вынесена им за границы философской антропологии. Она и претендует на некую универсальность. Развивая собственную версию «философии жизни», Флоренский толкует биологическое приспособление к природе как стремление к власти над ней. Человек не свободен. Он размещён под знаком рока. Таков изначальный трагизм человеческого существования.

Второй раздел монографии посвящён религии Серебряного века. Н.К. Бонецкая оценивает приватную религию Мережковского как скорее всего близкую к христианско-сектантскому варианту. Учение Мережковского проблематизирует антропологические «тайны» «одного» (личности), «двух» (пола), «трёх» (социума). Прослеживая развитие духовных традиций, Н.К. Бонецкая пишет: «Не является ли философия диалога Бахтина его собственной попыткой проблематизировать “тайну двух”, обозначенную ранее Мережковским и Гиппиус? А бахтинская знаменитая “теория карнавала” не есть ли конципирование некоей дионисической общности, вдохновлённое идеями Ницше?» [1, с. 300].

У Вяч. Иванова в его «башенном проекте» вызревал собственный проект судьбы России. Опираясь на многочисленные источники, Н.К. Бонецкая показывает значимость религиозного ядра в его проекте. Путь его – глубинная подготовка ещё не посвящённых душ к новой религии. Убедительно оценивает автор монографии смысл юнгианства. Сподвижник Фрейда пришёл к убеждению, что глубинная психология содержит в себе возможность религиозной практики. Она, вообще говоря, не только связана с концепцией «практик себя»,

которую развивал М. Фуко. Швейцарскому психиатру мнилось, что путём религиозного опыта можно войти в контакт с божествами древних арийских культов.

Вяч. Иванов возлагал большие надежды на харизматика, который силой духа способен обновить древние языческие культы. Предполагалось, что в России есть возможность создания религиозных общин. Иванов был убежден в том, что создание новой религии начнется с освоения мистического опыта, с практикой особого рода:

*Огнём крестися, Русь! В огне перебори
И свой алмаз спаси из чёрного горнила!*

Н.К. Бонецкая подробно описывает не только сами «раденья», но и отрицательное отношение к ним со стороны не «вовлечённых» деятелей культуры. Уделив достаточное внимание идейному и культовому аспекту ивановской общины, автор монографии обращается к анализу семьи, как она понималась внутри этого образования. Впервые в отечественной литературе в разделе рассказано об использовании в общине юнгианских экспериментов с собственным бессознательным. Так складывался своеобразный мистический канон по Иванову. Оказался востребованным и Р. Штейнер. Антропософ утверждал, что нынешнее существование человека инициировано не Богом, а Люцифером. Замышлялась своеобразная революция духа.

Особое внимание в монографии уделено русской софиологии и антропософии. Как выясняется, истоком «нового религиозного сознания» оказалась истина, которая никак не связана с философией. Это истина о Софии как Душе Мира, о человечестве в Боге. Русская софиология, как показывает Н.К. Бонецкая, направлена на познание духовной реальности, что, понятное дело, сопряжено с раскрытием и особых человеческих способностей: незримый мир открывается не каждому. Будучи страстным порывом к гнозису, русская софиология тем не менее оказалась фрагментарной и недостаточно разработанной.

Несомненную ценность имеет рассмотрение Духа в антропологии Н.А. Бердяева. Этот мыслитель оказался видным представителем экзистенциализма в результате отважной готовности мыслить дух в его инобытийности, инаковости. Любая «объективация» Духа вызывала у Бердяева решительный протест. Что касается апофатизма Н.А. Бердяева, он соотносён с толкованием антропософии Р. Штейнера. Бердяев полагал, что Штейнер как раз и является мыслителем, готовым активировать дух. Н.К. Бонецкая здесь занимает иную позицию. Она считает, что Н.А. Бердяев не имел полного знакомства с учением Штейнера.

В монографии отмечено, что С. Булгаков хотел реформировать всю систему православного богословия. «Как мыслитель, Булгаков близок к типу метафизика – умозрительного богослова, “чистого” философа: он отнюдь не был ни визионером, подобно Соловьёву, ни природным гностиком-тайнозрителем, ни тем более, мистиком-экстатиком» [1, с. 431].

Третий раздел монографии посвящён русской герменевтике. Н.К. Бонецкая показывает, что герменевтика, с одной стороны, и литературная критика – с другой, обращены к весьма различным концепциям художественного творчества. По убеждению автора монографии, религиозным философам Серебряного века удалось создать совершенно новое направление в науке о литературе – герменевтическое. Камнем преткновения здесь является творчество Достоевского. Толкование писателя, имеющего «жестокий талант», было поддержано не всеми критиками. Сложилось несколько вариаций в анализе феномена Достоевского. К. Леонтьев, к примеру, возвестил о «новом христианстве» писателя. Так, писатель заслужил репутацию «замечательного моралиста».

Герменевтика, по определению Н.К. Бонецкой, предполагает прикровенность смысла текста. А произведения Достоевского как раз и соответствуют такому эталону. Правило герменевтического круга предполагает обязательное обогащение обретенного смысла. Поэтому в этой сфере анализа оказываются востребованными самобытные мыслители. Притом суждения о Достоевском оказались весьма различными. В трудах Хайдеггера и его последователя Г. Гадамера это направление обрело необходимый статус.

Герменевтика – это искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе текстов классической древности; направление в философии XX в., выросшее на основе теории интерпретации литературных текстов.

Н.К. Бонецкая в этом разделе ставит множество вопросов. Почему, в самом деле, в духовной культуре Серебряного века так тесно, на личностном уровне переплелись философская мысль и искусство? Почему почти все религиозные философы были одновременно стихотворцами или прозаиками, тогда как поэты преуспели в философствовании? И что за сплавы метафизики, эстетики, проповеди, а вместе с тем и художественного слова представляют собой тексты тогдашних «литераторов»? [1, с. 495]. Эти вопросы, понятное дело, не остались без ответа. Хотя и вызывали перечень новых вопрошаний. Герменевты, толкуя чужие тексты, катапультировали себя, по сути дела, в другие

эпохи, чтобы получше осознать не только индивидуальный, но и эпохальный опыт.

Серебряный век, в отличие от нынешней десакрализации, напротив, применяет самые высокие духовные мерки для осмысления текста. Русскую религиозную философию можно характеризовать как критическое осознание духовного опыта русской литературы XIX в. Так возникает сакрализация великой литературы, в которой угадывается и предвестие новой религии. Отдельно и особо анализируется герменевтика Льва Шестова. «В самом деле, в *идее* Шестова – в его экзистенциализме – есть некие тёмные пятна, недоступные не только для рассудка, но и для интуиции, – провалы в неведомый опыт, намёки на какие-то уникальные человеческие возможности» [1, с. 520].

Апология зла, совмещённая с причудливой верой в чудо... Шестов называл свою философию «странствованием». Это и характеристика собственного метода. Но странничество в русской философии имеет статус духовного подвига, призванного добиться прямого богообщения.

Книга Н.К. Бонецкой имеет огромную ценность, которая определяется в первую очередь тем, что она посвящена Серебряному веку. Но данную монографию можно характеризовать как оригинальную, весьма доказательную работу, в которой осмыслена огромная масса документов, биографических подробностей, философских, религиозных и литературных текстов. Особая значимость работы – в авторской позиции. Во всех случаях разбор сочинения, жизненной ситуации, философской позиции сопровождается оценкой – научной, гражданской, нравственной...

СОЕДИНИТЬ ДВА ТАИНСТВА

Рецензия на книгу:

Гальцева Рената. Эпоха неравновесия. Общественные и культурные события последних десятилетий. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.

Ренату Гальцеву представлять нет надобности. Вдумчивый и глубокий мыслитель, блестящий публицист, убеждённый полемист. Подготовленный ею сборник продолжает предыдущие собрания принадлежащих ей текстов – «Очерки русской утопической мысли XX века» (1992), «Знаки эпохи. Философская полемика» (2008), и «К портретам русских мыслителей» (2015), включая в основном тексты, написанные в 2000-х гг. и не вошедшие в упомянутые издания.

Рецензируемый сборник с самого начала заявлен как публицистический. По какому поводу

случаются размежевания? Поводом для размышлений служат те же «проклятые вопросы» русского и общечеловеческого бытия. Окружающая нас реальность преобразуется. Генетики толкуют о дальнейшей расшифровке генома. Адепты квантовой парадигмы рассуждают о множестве миров. Человеческое тело становится объектом немислимых экспериментов. По словам Ренаты Гальцевой, европейский житель и особенно россиянин зажат ныне между двумя полярными, но равно тоталитарными идеологиями: национал- и интернационалсоциализма, грозящими безличным окаменением и – лжелиберальной, ведущей к распаду бытия. Добавим: одновременно множатся различные проекты глобализации, теперь уже не только привычной, европейской программой, но стремлением установить халифат на всей земле.

Прежде всего, автора сборника волнуют философские вопросы. Расхожее мнение о том, что русская философия всегда следовала в фарватере западной, оспаривается более сложной идейной конфигурацией. Выравнивая собственное любопытство по европейским лекалам, русская философия в особых условиях подхватила эстафету европейской философской традиции. «Итак, – пишет Р. Гальцева, – в процессе рецепции западной философии идёт двойная, точнее двуединая философская работа: самоопределение и – кристаллизация образа, который европейская философия обретает в сознании русских мыслителей» [2, с. 9]. Многие западные философские течения нашли в нашей стране собственных сподвижников. Это относится к психоанализу, экзистенциализму, а также к феноменологии и герменевтике. Однако не всё идущее к нам из Европы оказывает позитивное воздействие на интеллектуальную атмосферу России. Р. Гальцева в качестве негативного влияния отмечает постмодернистский деконструкционизм.

Р. Гальцева использует любое событие, будь то юбилейная дата или возникшее противостояние идей, для того, чтобы отметить ценность философской рефлексии как таковой. Так, в юбилейных докладах в связи со столетием со дня смерти Владимира Соловьёва она выделяет мнение С.С. Авринцева о русском философе, который возродил в России религиозную философию.

Развивая мысль о русском религиозно-культурном возрождении в России, автор статьи особо подчёркивает идеологию Серебряного века («новое религиозное сознание»). Русский философский ренессанс вызвал к жизни «экзистенциальную метафизику», в которой учение о бытии исходит из непреложности опыта человеческой экзистенции.

Идея обновления христианского сознания оказывается глубинно популярной для Серебряного века. Причём подходы к этой идее были самые разнообразные по своим истокам и практическим последствиям. Тяга к обновлённому учению находила своё обоснование в философских предпосылках ницшевской рефлексии.

В рассуждениях П. Флоренского о том, что человек дан нам прежде всего телесно, содержалась идея реабилитации плоти как средства трансформации христианского мировоззрения. Стремление уравнивать плоть и дух, естественно, не могло быть узаконено. Такая же проблема возникала в связи с увлечением русских мыслителей неоязычеством.

Символизм внёс в жизненную практику идею размытой идентичности. Прежнее убеждение в том, что каждое живое существо хочет быть самим собой, по сути дела было поставлено символизмом под вопрос. Когда О. Мандельштам утверждает, что «никто не хочет быть собой», он вряд предполагает, что такая установка со временем станет трудно насыщаемой. В наши дни действительно белый мечтает быть негром, а негр хотел бы стать белым. Женщина нередко мечтает стать мужчиной и, наоборот, мужчина хотел бы изменить свою гендерную судьбу. Тело превратилось в полигон испытаний самых разнообразных веществ. Никто не хочет быть тем, кем он является. Вряд ли можно говорить об обновившемся христианстве. Но благо в том, что сама идея оживила христианское сознание и дала импульс к возрождению в литературе и искусстве глубинного религиозного измерения.

Названная тема получила продолжение и в интервью Р. Гальцевой журналу «Демократический прегляд» в 1998 г. На вопрос интервьюера, почему в 60-х, в начале 70-х гг. случился возврат интеллигенции к религиозно-философской проблематике русской философии, Рената Гальцева, в частности, сказала: «Трагедия в том, что в нашей российской истории истина нашего бывшего существования, наших традиций, общая с традициями Европы, разошлась с появлением новой идеологии абсолютной свободы, абсолютной независимости и вечной оппозиционности, всё более торжествующей сегодня на Западе, а теперь и в России; вернее – вырывающей почву из-под России» [2, с. 50].

В наши дни власть снова томится по национальной идее, по идеологии. Р. Гальцева в своё время совместно с И.Б. Роднянской подготовила труд «Summa ideologie» [3]. Обстоятельность экспертизы этого феномена содержится и в рецензируемом сборнике. В данном случае исследовательница оценивает тотальную идеологию как рождённую в прошлом столетии и отмечает, что её невозможно

анализировать по аналогии в качестве науки, искусства или философии. Она не является ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвёртым. Однако заменяет всё. Добавим, что современная власть в России связывает новую идеологию с патриотизмом, хотя и декларирует освобождение патриотизма от идеологизма. Но можно ли помыслить патриотизм без эмоциональной опоры и доктринёрства?

Сегодня в России присутствует массовая тоска по СССР. Возрождается не только эмблематика, советские традиции, происходит возрождение шпиомании и изобличение вражеских акций. Доклад Р. Гальцевой на конференции «Советская цивилизация», помещённый в сборнике, не только обстоятелен, но и весьма доказателен. Россия оказалась на перекрестке двух цивилизаций. Новая идеология не только развращает, но и оглушает. Талантливо сказано Р. Гальцевой: «...любомудрие превращается в философский бурелом».

Участвуя в дискуссии, Р.А. Гальцева отстаивает достоинство первого российского Президента, которому пришлось выполнить историческую миссию – сокрушить коммунизм. В наши дни, вспоминая Б.Н. Ельцина, стараются опорочить его, представить недалёким человеком, лицемерным политиком. При таком подходе, когда преобладает политический прагматизм, цинизм, заставляют вспомнить фразу Маркса о том, что у некоторых публицистов и политиков в истории действуют одни дураки. Р.А. Гальцева обращает внимание на те свершения, которые позволили нашей стране катапультироваться в иное цивилизационное пространство.

Так же последовательно Рената Гальцева polemизирует с теми исследователями, которые полагают, что философы, которые участвовали в «Вехах», не проложили ни одной исторической улицы. Напротив, она полагает, что Н.А. Бердяев и его сподвижники продумывали путь, на котором Россия избежала бы потрясений, продолжая тем самым «универсальную», общеевропейскую и общечеловеческую линию. С такой же убеждённой Р. Гальцева отстаивает духовный авторитет Н.А. Бердяева, называя это имя «немеркнувшим».

История благословенного Института научной информации, представленная в сонме достижений и бытовых подробностей, оказывается, была напечатана в «Новом мире». Вот что пишет Р. Гальцева: «Задуманный как флагман зарубежной информации для высших инстанций пропаганды передовой идеологии для рядовых научных и учебных кругов, он, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, представлял собой издательский симбиоз, выпускающий для узкого чита-

тельского круга, “Для служебного использования”, политико-философские заблуждения врагов, и на широкие просторы – “краснознаменные сборники”, так именовалась у нас информация для второго, учебного эшелона читателей» [2, с. 99]. Поистине, этот ироничный текст – прекрасная мета ушедшей советской эпохи.

О многих людях и судьбах говорится в этой статье Р. Гальцевой. Но остановим наше внимание лишь на одной сотруднице. Речь идёт о Светлане Яковлевне Левит, которую автор называет «человек-оркестр». Она, по словам Р. Гальцевой, одна представляет целый институт, выпустивший 275 изданий. И какого кругозора! Это философия, культурология, социология, языкознание, история, искусство – весь гуманитарный корпус. Поскольку книги, которые отмечены в нашей рубрике, издаются Светланой Яковлевной Левит, то нам остаётся только присоединиться к этому панегирику.

О возврате нашей страны в сообщество европейских государств, о смене в 1991 г. общественно-экономической формации в России Р. Гальцева напоминает часто. В самом деле «западные ценности», которые идеологически нередко третируются, имеют прямое отношение к христианству. Оно является фундаментом западной цивилизации. И это означает, что именно они представляют собой ценности «русского мира».

Особую ценность имеет анализ Р.А. Гальцевой консервативной идеологии. Время от времени в нашем общественном сознании рождается интенсивный запрос на этот комплекс идей. «“Консерватизм”, “консервативная идеология”, “просвещённый консерватизм”, – пишет Р.А. Гальцева, – стали модными понятиями и в наших официальных кругах, и вслед за ними в более широком общественном употреблении. И эта тяга понятна перед лицом культурной и моральной разрухи, ставшей следствием господства новой передовой идеологии с её установками на радикальное “раскрепощение” человека от всех жизненных скреп и норм, в об-

щем, от христианских традиции двухтысячелетней давности, иначе говоря, от христианских ценностей, которые безотчётно фигурируют под псевдонимом “общечеловеческих”» [2, с. 130]. Р. Гальцева описывает, как пришлось обращаться к зарубежным специалистам, чтобы получить дефиницию консерватизма, какие трудности возникли перед исследователями в толковании феномена консерватизма. Власть чаще всего ищет в консерватизме обоснование традиции, архаики, стабильности. Однако идеология консерватизма не столько охранительная, сколько предостерегающая от радикальных и необдуманных решений. Инновационный элемент органично включён в консервативную философию. Он связан с эволюционным движением реформ.

Публицистический заголовок статьи «Отмыwanie добела» (написанной совместно с И.Б. Роднянской) касается вечной темы оценки Сталина как руководителя советского государства. Для того чтобы переписать историю и перетолковать её события существует множество приёмов. В частности, сталинские репрессии оцениваются как неизбежные, продиктованные логикой истории, а заслуга его вытекает из самого факта победы в Отечественной войне. Снова в нашей практике мы сталкиваемся с преследованиями людей, которые не разделяют официальную оценку деятельности Сталина.

Да, и в наши дни приходится обороняться от политических ярлыков, огульных обвинений. В разделе «Культура и искусство» приводится много примеров, связанных с предумышленным использованием таких определений, как «буржуазность», «буржуазный». Р. Гальцева показывает, насколько чужда была идеология буржуазности прогрессивным русским мыслителям.

Обе рецензируемые книги имеют неоспоримую ценность. Они проникнуты чувством глубокого уважения к русской культуре, к её достижениям. Такого рода издания направлены на прояснение общественного сознания.

Список литературы:

1. Бонецкая Наталья. Дух Серебряного века. (Феноменология эпохи). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 720 с.
2. Гальцева Рената. Эпоха неравновесия. Общественные и культурные события последних десятилетий. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.
3. Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. М.: Посев, 2012. 128 с.
4. Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и сост. тома С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 480 с.
5. Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 640 с.
6. Гершензон Михаил. Избранное. Образы прошлого / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 448 с.

7. Гершензон Михаил. Избранное. Исторические записки / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 352 с.
8. Померанц Григорий, Миркина Зинаида. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи, нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 504 с.

References (transliterated):

1. Bonetskaya Natal'ya. Dukh Serebryanogo veka. (Fenomenologiya epokhi). М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 720 s.
2. Gal'tseva Renata. Epokha neravnovesiya. Obshchestvennye i kul'turnye sobytiya poslednikh desyatiletii. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 320 s.
3. Gal'tseva R., Rodnyanskaya I. Summa ideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznaniya» v noveishie vremena. М.: Posev, 2012. 128 s.
4. Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni / Otv. red. i sost. toma S.Ya. Levit. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 480 s.
5. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 640 s.
6. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Obrazy proshlogo / Sost. S.Ya. Levit. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 448 s.
7. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Istoricheskie zapiski / Sost. S.Ya. Levit. М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 352 s.
8. Pomerants Grigorii, Mirkina Zinaida. Spor tsivilizatsii i dialog kul'tur (Lektsii i stat'i, nulevykh godov). М.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 504 s.